

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

КРАСНОРЕЧИЕ СВ. ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА

Ярославские епархиальные ведомости, 1880, ч. неофиц., № 18, с. 137-143;
№ 21, с. 161-162; № 23, с. 180-181; № 39, с. 305-308

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ЯРОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Краснорѣчіе

св. Григорія Назіанзина.

Св. Григорій Назіанзинъ родился въ 325 г. Онъ вмѣстѣ съ Василиемъ, своимъ неразлучнымъ другомъ, занимался науками въ Аѳинахъ, въ 361 г. своимъ отцомъ былъ посвященъ въ пресвитера, вмѣстѣ съ Василиемъ и Григоріемъ Нисскимъ съ дѣйствительной убѣдительностію защищалъ никейскій символъ вѣры. Черезъ посредство Василія Григорій поставленъ былъ Зосимою въ епископа, потомъ сдѣлался помощникомъ своего отца, бывшаго епископомъ въ Назіанзѣ (*). Около 379 г. прибылъ онъ въ Константинополь, собралъ около себя общину, проповѣдывалъ, сдѣланъ былъ епископомъ константинопольскимъ, черезъ нѣсколько недѣль отказался отъ этой должности, послѣ трехъ

лѣтъ оставилъ Константинополь, возвратился въ Каппадокію, поселился въ помѣстьи и скончался въ 389 или 390 г. Преданный созерцательной жизни онъ вовлеченъ былъ въ практическую жизнь. Высокой ревностью по предметамъ, касавшимся Божества и религіи, одушевлялось все существо его; непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ соединялъ онъ нѣжность съ твердостью, обладалъ тонко образованнымъ умомъ, имѣвшимъ силу убѣждать,— блестящимъ краснорѣчіемъ, которое всѣхъ скоывало. Властямъ никогда не лгя былъ онъ защитникомъ и отцомъ всѣхъ утѣсняемыхъ и бѣдныхъ; воспріимчивый къ великимъ рѣшеніямъ оказывался онъ плѣнительнымъ и чувствительнымъ и въ дѣлахъ мелкихъ, въ счастіи былъ смиренномудренъ, оскорбленія переносилъ великодушно, стремясь къ благороднѣйшему; его грусть и его жалобы, даже упреки своему задушевному другу Василию показываютъ, что и благочестивѣйшіе мужи все-таки остаются людьми и что даже и столь чистая дружба не оставалась безъ бурь.

Григорій слушалъ учебные курсы у славнѣйшихъ риторовъ въ Кесаріи, Палестинѣ, Александріи, Аѳинахъ; въ Аѳинахъ онъ былъ задержанъ почти насильно для замѣщенія имъ каеэдры раторики. Григорій ораторское краснорѣчіе цѣнилъ высоко; онъ считалъ оно единственнымъ и дражайшимъ, что еще оставалось

(*) Мѣстечко въ Каппадокіи.

въ его душѣ отъ язычества; съ этимъ временнымъ сокровищемъ онъ надѣялся стяжать вѣчныя сокровища и смотрѣлъ на ораторство какъ на пріятнѣйшаго спутника жизни и дѣйствительнѣйшую помощь при состязаніяхъ. Слушатели устремлялись къ Григорію массами и обнаруживали такую внимательность и столь глубокое молчаніе, что въ обширной церкви константинопольской, гдѣ проповѣдывалъ Григорій, слышимъ былъ каждый звукъ; казалось какъ будто всё задерживали дыханіе въ себѣ, чему удивлялся самъ Григорій. Ниграній описываетъ съ какимъ нетерпѣніемъ и страстнымъ волненіемъ ожидали времени, когда раздастся голосъ Григорія.

Нѣтъ почти ни одного отца церкви, ни церковнаго писателя, который не превозносилъ бы похвалами и не удивлялся бы краснорѣчію Григорія. Странно, что даже церковные писатели, ничего не хотящіе знать объ аттическомъ складѣ ораторской рѣчи, ничего о возвышенности, развитости, богатствѣ украшеній въ языкѣ священнаго краснорѣчія, однакоже не могутъ нахвалиться ораторомъ, который всё эти свойства болѣе всего совмѣстилъ въ своемъ краснорѣчій между всѣми латинскими и греческими отцами церкви. Если слышишь или читаешь рѣчи Григорія, то непроизвольно пробуждается чувство для прекраснаго и прелестнаго и невольно увлекаешься очаровательностью рѣчи того, къ кому первоначально приближался не безъ недоумѣнія. Въ этомъ то и состоитъ триумфъ высшаго краснорѣчія, краснорѣчія основывающагося на такихъ солидныхъ фундаментахъ какъ классическое ораторство древней Греціи, далекое отъ риторской декламации; краснорѣчіе Григорія, это побѣда надъ тобой какъ бы воплотившагося въ лицѣ оратора чувства для прекраснаго и превосходнаго, которое себѣ повсюду пролагаетъ путь и заставляешь нѣмѣть противника. Не смотря на великое имя Августина приходится отлагать его рѣчи и трактаты въ сторону, чтобы взять въ руки рѣчи Григорія; потомство справедливо, когда великому Августину въ дѣлѣ краснорѣчія указываетъ менѣе значительное мѣсто, между тѣмъ какъ св. Григорія ставитъ высоко.

Первымъ характеристическимъ свойствомъ Григоріева стиля есть возвышенность. По Иерониму, Свидѣ, Сиксту Сенензію Григорій подражалъ Пилемону Лаодікійскому, отличавшемуся величіемъ и возвышенностію. Этотъ возвышенный слогъ и способъ выраженія мыслей открывается особенно въ раскрытіи тайнъ, которыя должно было изложить соответствующимъ высотѣ предмета языкомъ. — Далѣе стиль Григорія характеризуется краткостью и точностью. Въ немногихъ слогахъ и словахъ умѣетъ онъ выразить многое, безъ чего эта краткость была бы въ ущербъ ясности. Повсюду онъ остается самъ себѣ равенъ, хвалить ли онъ или порицаетъ, наставляетъ или убѣждаетъ. Греческимъ языкомъ владѣетъ онъ въ такой степени, что пользуется имъ съ величайшей легкостью; что въ языкѣ прекрасно, драгоценно, просто и возвышенно, тѣмъ онъ пользуется не какъ низкайшій рабъ, но какъ господинъ и мастеръ своего дѣла, какъ законодатель, отсюда и тонкость, прелесть, благородство и легкая текучесть его рѣчи; отсюда та естественная прелесть, какой отличаются его рѣчи, эта легкость въ изображеніяхъ; отсюда полнота и плодovitость въ мысляхъ и выраженіяхъ, и однакоже та законченность, закругленность цѣлаго, внутри границъ котораго движется его рѣчь и не оставляетъ описываемаго круга; отсюда та легкость въ сочетаніи словъ и предложеній, которая въ латинскомъ языкѣ такъ затруднительна; отсюда тѣ короткіе намеки, которые для насъ по большей части хотя и остаются темными, но постоянно поддерживали бдительность и внимательность его слушателей. Платонъ говоритъ о статуяхъ Дедала, что ихъ должно связать въ предупрежденіе того, чтобы онѣ не убѣжали, точно также большое нужно обращать вниманіе и имѣть много тщательности при переводѣ, чтобы не ускользнула содержательность мысли Григорія, пот. что въ ней скрывается сила и нѣкоторое волшебство, которое не всякій разгадать въ состояніи. Слова Григорія полновѣсны, содержательны, онъ охотно примѣняетъ индуктивныя заключенія и при опроверженіяхъ

или оспариваніи любить посылать стрѣлы не прямо въ лицо, но со стороны. Манеру Григоріева писательства всего лучше можно сравнить съ Исократовскою, если бы у этого ораторская искусственность не была слишкомъ замѣтна, украшенность рѣчи не была слишкомъ аффектирована и мелочна, тогда какъ у Григорія искусство скрывается и украшенность рѣчи отражаетъ на себѣ мужественное достоинство. Примуцествами Григоріева стиля слѣдовательно суть: огонь и сила, живость и сжатость мыслей, глубина и искренность чувства, поэтичность представленія, возвышенной полетъ и по большей части благородная сдержанность языка. Слабыя стороны его стиля: слишкомъ длинныя періоды, длинныя отступленія, язвительныя сарказмы, изысканная элегантность и нерѣдко погоня за остроумными, ослѣпительными антитезами—все это недостатки свойственные не св. Григорію только, но и его времени. Поэтический талантъ соединялся въ немъ съ ораторскимъ; отсюда его рѣчи отличаются чрезвычайнымъ блескомъ силы воображенія при тонкости и граціозности языка; отсюда по мѣстамъ аффектированная роскошь языка при глубинѣ и искренней возбужденности.

Не необходимо въ такой степени спускаться до языка народнаго, чтобы усвоить себѣ оный. У св. Григорія напротивъ народъ долженъ былъ возвышаться до пониманія его языка даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ все было ясно, прозрачно и само собою понятно при всей возвышенности мыслей, при блестящемъ, краснорѣчивомъ, плодовитомъ языкѣ. Нужна только воля, требуется только время и трудъ для того, чтобы языкъ образованнаго общества заставить понимать и людей писниихъ классовъ; и вредило бы совершенству языка и было бы искаженіе добраго вкуса, еслибы кто либо подъ предлогомъ быть популярнымъ сталъ говорить языкомъ простаго народа. Справедливо, что въ вѣкоторыхъ рѣчахъ, которыя онъ говорилъ въ Назіанзѣ, городкѣ столь же незначительномъ какъ Гишо, Григорій менѣе возвышенъ, такъ напр. *in posuit Damianum* и на слова Евангелія: *Ecce nunc scilicet Iesus verba sua;* но

стоитъ только сравнить объ эти рѣчи съ рѣчами Августина къ своимъ слушателямъ и вы узнаете, что такое языкъ популярный и что простой.

Ученіе о Троицѣ въ словахъ Григорія играетъ важную роль и многія изъ нихъ оттого кажутся намъ менѣе популярными, да и на самомъ дѣлѣ таковы для насъ, тогда какъ для слушателей Григорія они были совершенно понятны, пот. что эти догматическіе вопросы составляли предметъ споровъ даже между простымъ народомъ и народъ постоянно интересовался слушаніемъ новыхъ изложеній вопросовъ дня, которые равно занимали дворъ, клиръ, образованныхъ и необразованныхъ.

Между тѣмъ какъ большая часть рѣчей Златоуста писана на тексты Св. Писанія, у Григорія есть только одна бесѣда 37 на Мѣ. XIX. Всѣ другія его проповѣди суть свободныя разсужденія, рѣчи на праздники, опроверженія еретиковъ, похвальныя рѣчи. Первую свою рѣчь онъ говорилъ около Пасхи по принятіи посвященія въ пресвитера; въ ней онъ объясняетъ, почему онъ доселѣ отказывался отъ пресвитерства и излагаетъ обязанности истиннаго пресвитера (сн. рѣчи 1 и 2). Но едва только вступилъ онъ въ свое служеніе какъ испыталъ перемѣну въ человѣч. благорасположеніи. Община Назіанза, столь бурно заявлявшая свое желаніе имѣть его пресвитеромъ, оказалась равнодушною къ его личности и ходила на его рѣчи въ маломъ числѣ. Григорій (ог. 3) выводитъ, что для человѣка значитъ только то имѣетъ значеніе, къ чему онъ стремится, но что онъ малое обращаетъ вниманіе на то, что уже достигнуто: такъ своихъ избирателей онъ порицаетъ мягко и хвалитъ тонко.

Это первенцы его краснорѣчія; далѣе слѣдуютъ похвальныя рѣчи Цезарію брату, Горгоніи сестрѣ, отцу, Аванасію и Василію. Въ этихъ похвальныхъ рѣчахъ обнаруживаетъ св. отецъ обиліе искусства, вдается въ живыя изображенія, сыплетъ богатствомъ новыхъ выраженій; онъ изображаетъ метко, умѣетъ и трогать, выставить съ благородной простотою и естественностью

противуположность между смертью и жизнью, но всетаки отчасти онѣ написаны слишкомъ пышно, содержатъ болѣе блеска, менѣе возбужденности и даже въ Аванасіи рисуютъ образцы обыкновенныхъ добродѣтелей, но не индивидуализируютъ и не изображаютъ людей по ихъ жизни.—Въ похвальной рѣчи Цезарію набрасываетъ св. отецъ возвышенный образъ кратковременности земной жизни. „Насколько Цезарій предупредилъ насъ? Долго ли мы будемъ еще сожалѣть объ его утратѣ? Не сдѣлаемся ли мы вскорѣ достояніемъ той же смерти? Какую пользу извлечемъ для себя изъ остатковъ немногихъ дней своихъ? Ту развѣ, что много зла увидимъ, много зла потерпимъ, много зла учинимъ, чтобы потомъ въ одномъ случаѣ злему слѣдовать, въ другомъ случаѣ въ зломъ предшествовать, однихъ оплакивать, другихъ дѣлать оплакиваемыми и обязанность слезъ передать другимъ. Вотъ жизнь смертнаго, вотъ спектакль земной. Что мы? Изображеніе, котораго не можемъ понять, корабль переплывающій море и не оставляющій слѣда, цвѣтокъ который одинъ день цвѣтетъ и блекнетъ“. Потомъ увѣщеваетъ онъ не гоняться за суетнымъ и оканчиваетъ сообщеніемъ, что онъ не того страшится, что его тѣло исчезнетъ и истлѣетъ, но того если оно не могло бы принять участія въ общемъ прославленіи.—Въ похвальной рѣчи Горгоніи изображаетъ онъ тихія домашнія добродѣтели благочестивой дѣвицы, ночи которыя она посвящала бодрствованію и молитвѣ, нѣжность членовъ возвышавшуюся надъ природой, горячность благочестія не знавшаго холодности и потемнѣнія, ея смерть среди хвалебныхъ пѣсней. „Уже лежала она испуская послѣдніе вздохи, родственники окружали ее; одни изъ нихъ хотѣли еще что нибудь слышать отъ нея, другіе говорить съ нею и не осмѣливались подавленными слезами, безмолвной горестью о той сѣтовать, которая такъ умирала; ея смерть походила на торжественную церемонію, она молчала и не говорила, только уста ея еще трепетали, она произносила молитвы и умерла среди хваленій Господу“.—Рѣчь на смерть отца даже до заключенія не представляетъ

особенностей; она просто излагаетъ добродѣтели отца, болѣе поучая, чѣмъ трогая; ораторъ вполне совладалъ со своею печалью, обнаруживаетъ необыкновенное спокойствіе и только въ концѣ нѣсколько возвышается до глубокой возбужденности, утѣшая мать такимъ образомъ: „Хотя жизнь и смерть и кажутся не похожими одна на другую, все же одной замѣняется другая и я незнаю, отрѣшеніе отъ настоящихъ страданій можноли назвать смертію; есть только одна смерть—грѣхъ и только одна жизнь—истинную жизнь видѣть. Къ чему печалиться? Разлука огорчаетъ тебя? утѣшайся надеждою. Безпомощность сурова? но на долголи? Но мы вслѣдствіе потери его лишаемся многого? Лишатся жребій всѣхъ, наслаждаться—счастіе немногихъ. Ты перенесла смерть цвѣтушаго юноши, перенеси же и смерть отжившаго старца. Но никто не будетъ заботиться о тебѣ болѣе? Гдѣ же твой Исаакъ, котораго онъ оставилъ тебѣ; проси его, чтобы онъ тебя руководилъ и тебѣ служилъ.“—*Аванасій былъ достойнымъ предметомъ* краснорѣчія, но въ рѣчи о немъ встречаемъ мы только немногія мѣста выдающіяся, какъ напр. о жизни киновитовъ въ пустынѣ: „Нѣкоторые ведутъ совершенно уединенную жизнь, вдали отъ всякаго общества, живутъ только съ самими собой и Богомъ и не знаютъ инаго міра кромѣ широкаго раздолья пустыни. Другіе оказываются ревностными приверженцами любви, живутъ обществами, умерли для людей и всего земнаго, служатъ другъ другу и чрезъ взаимность примѣровъ соревнуютъ другъ другу въ добродѣтели“. Или: „Аванасій для тѣхъ, которые его ударили, былъ столь твердъ и устойчивъ какъ два камня, какъ діамантъ; для тѣхъ которые имѣли различныя съ нимъ мнѣнія былъ магнитомъ, который вслѣдствіе тайной силы привлекалъ къ себѣ разномыслящихъ съ нимъ.“ Или: „Окончи мою рѣчь ты, который въ добавокъ ко всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ наблюдалъ отличную мѣру въ рѣчахъ и молчаніи.“ Но это отдѣльныя мѣста въ цѣлой рѣчи, отдѣльные грозды въ виноградникѣ, смѣлыя черты

въ статуѣ. — Прекрасна похвальная рѣчь святому Василию. Искренняя дружба надѣлила оратора какъ будто высшимъ озареніемъ. Почти сомнительно, Василій ли превосходнѣе жилъ или Григорій превосходнѣе писалъ о Василии. Похвальная рѣчь ему есть монументъ, не только образъ Василія вѣрно воспроизводящій, но впрочивающій славу и за художникомъ. Конечно и здѣсь есть менѣе замѣчательныя частности, это многія воспоминанія изъ язычества, нѣкоторое словообиліе, по которому для Григорія каждая черта получаетъ значеніе; цѣлое же дышетъ духомъ и жизнію. Преслѣдованія при Максиминѣ, пребываніе въ Аѳинахъ, твердость Василія предъ префектомъ Модестомъ, учрежденіе больницы, его краснорѣчіе и особенно заключеніе, гдѣ ораторъ всѣхъ зоветъ ко гробу, чтобы еще разъ видѣть его ликъ и припомнить добродѣтели почившаго составляютъ блестящіе пункты рѣчи. Ближайшее знакомство съ рѣчью пріобрѣтается чрезъ чтеніе ея самой; но вотъ нѣсколько чертъ изъ пребыванія въ Аѳинахъ. „Ахъ, могли ли я безъ слезъ думать о томъ? Съ равной ревностью преслѣдовали мы одинъ и тотъ же важный предметъ стремленій человѣка—науку; но зависть была намъ неизвѣстна; мы спорили другъ съ другомъ не о почести получить преимущество, но о чести отъ него отказаться. Казалось, что мы имѣли только одну душу, одушевлявшую два тѣла. Общими нашими занятіями была добродѣтель и забота жить вѣчными надеждами, потому что мы отъ этой земли уже отдѣлялись прежде чѣмъ могли ее оставить. Аѳины были для нравственности опасны, но мы устремлялись въ нихъ къ своей цѣли тихо, какъ ручей чрезъ море и выскочили изъ нихъ какъ животное изъ всепожирающаго пожара.... Насталъ день прощанія, мгновеніе когда друзья въ послѣдній разъ говорятъ другъ съ другомъ, въ послѣдній разъ идутъ вмѣстѣ, обнимаются и плачутъ, потому что для душъ которыя получили вмѣстѣ образованіе въ Аѳинахъ, ничего нѣтъ суровѣе и горестнѣе какъ разстаться и Аѳины оставить“. Рѣчь заключается словами: „Прими это почте-

ніе отъ голоса, который тебѣ былъ дорогъ, отъ человѣка который былъ съ тобой одинаковаго возраста и сана. Если мои слова походятъ на то, чѣмъ ты былъ, то благодарю тебя; въ надеждѣ на твою помощь я и предпринялъ похвалу тебѣ. Если же я менѣе сказалъ чѣмъ что слѣдовало сказать, то могъ ли я сказать иное при моемъ возрастѣ, болѣзненности, горести о потерѣ тебя? Но да приметъ Господь и то, что мы могли сказать по нашимъ силамъ“.

Изъ нравственныхъ рѣчей нужно назвать: О любви къ бѣднымъ, о наказаніи градомъ, три рѣчи о мирѣ, въ память Маккавеевъ, на святое крещеніе. Рѣчь „о любви къ бѣднымъ“ была говорена въ больничномъ домѣ вблизи Кесаріи, но не въ томъ пространномъ видѣ, въ какомъ мы ее имѣемъ и въ какомъ она болѣе походить на разсужденіе. Рѣчь содержитъ много теплыхъ, глубоко прочувствованныхъ мѣстъ, но есть мѣста и съ риторической переполненностью, какъ напримѣръ тѣ мѣста, гдѣ бѣдный и его нужды во всемъ противопоставляются богатому и его расточительности во всемъ. Превосходно изображеніе и сильной скорби прокаженнаго, его покинутости всѣми, непостоянство земныхъ благъ, истиннаго и ложнаго богатства, жестокосердечія богатыхъ потери присутствія духа при неожидан. несчастіи, сожалѣнія къ бѣдному ради Христа. „Нѣчто прекрасное, говоритъ Григорій въ одномъ мѣстѣ, представляетъ собою спокойствіе и одиночество, доказательствомъ того служить Кармилъ Или, пустыня Іоаннова, гора на которую удалялся Іисусъ; есть нѣчто прекрасное въ бѣдности—доказательство Іоаннъ одѣтый въ одежду изъ волосъ верблюжьихъ; есть нѣчто прекрасное въ смиреніи—и его есть множество примѣровъ; есть нѣчто прекрасное въ пренебреженіи денегъ—свидѣтель Закхей; прекрасно саморазсмотрѣніе, оно ведетъ во святая святыхъ; прекрасно дѣло—его принимаетъ Христосъ; но прекраснѣе всего любовь, потому что она есть исполненіе закона, любовь къ бѣднымъ“. Прекрасно и слѣд. изображеніе прокаженнаго: „Изумительное и печальное зрѣлище представляется глазамъ нашимъ, вѣроятное только

для тѣхъ кто видалъ его: человѣкъ въ одно и то же время и живъ и мертвъ, большая часть его членовъ изуродована такъ, что едва можно узнать кто такой передъ вами, откуда больной происходитъ. Предъ вами печальные останки человѣка, онъ называетъ имя своего отца и матери, чтобы дать имъ понять что предъ ними ихъ дѣтя; обезображенные, лишившись не только друзей но даже своего собств. тѣла, это единственные смертные, которые сами себя преслѣдуютъ въ одно и тоже время и любовью и ненавистью; они не знаютъ, что они должны болѣе оплакивать, отгнившіе уже или остающіеся еще члены: первые еще до могилы разрушились, послѣдніе никто не хочетъ предать землѣ; всѣ жестоки по отношенію къ нимъ и безчеловѣчны; перенося дурной запахъ отъ животныхъ безъ отвращенія мы не можемъ дышать однимъ съ ними воздухомъ и бѣжимъ отъ нихъ. Кто вѣрнѣе отца, любвеобильнѣе матери и однако же отецъ отъ него родившагося, за кого онъ возносилъ къ Богу горячія молитвы, отталкиваетъ отъ себя и мать, воспоминающая о болѣзняхъ рожденія сѣтуетъ о несчастіи своего сына и говоритъ: „Въ горахъ и пропастяхъ питайся, среди дикихъ животныхъ можешь ты жить, на утесахъ можешь спать и изъ смертныхъ только благочестивые и избранные тебя будутъ видѣть.“—О богатыхъ въ противоположности съ бѣдными говоритъ ораторъ: „Бѣдные имѣютъ нужду въ необходимомъ, лежатъ въ разслабленіи отъ голода, съ чувствомъ слишкомъ притупившимся для того, чтобы свою бѣдность оплакивать, не имѣя возможности отъ истощенія силъ простереть руку за милостынею, лишившись употребленія ногъ, которыми могли бы сходить къ богатому, съ дыханіемъ слишкомъ слабымъ для того, чтобы высказать свои жалобы; а мы ложимся на великолѣпныхъ ложахъ, уже гнѣбаясь если слышимъ чей либо шорохъ; цвѣты въ необычное время года распространяютъ около насъ свое благоуханіе; душимся драгоценнѣйшими духами; рабы стоятъ выстроившись въ одну линію, подобно женщинамъ наряженные, одни изъ нихъ какъ только возможно нѣжнѣе касаясь кубкомъ нашихъ губъ,

другіе неся прохладительное; столъ отягощенъ кушаньями: всѣ царства природы, воздухъ, вода, земля доставляютъ на оный свои продукты; каждый соревнуеть, кто лучше всего угодить своему желудку, этому ненасытиму животному, которое съ пищей имъ уничтожаемой само уничтожается. Подаются дорогія вина: одни изъ нихъ мы хвалимъ за аромат и мягкость, подвергаемъ ихъ другимъ изслѣдованіямъ и считаемъ вреднымъ если къ туземному не присоединяется какъ бы тираннъ какой иностранное“.—Рѣчь о градобитіи говорилъ св. Григорій вмѣсто своего отца; онъ отвѣчалъ на вопросъ, гдѣ причина такихъ бѣдствій; считаетъ оныя въ порядкѣ вещей, воспитательнымъ средствомъ со стороны Бога и доказательствомъ Божественной любви къ улучшенію грѣшниковъ „Мы согрѣшили и къ сожалѣнію нечестиво относились ко всѣмъ твоимъ заповѣдямъ, Господи! Мы недостойнымъ образомъ унижали себя своей жизнію. Пресвитеръ и народъ, всѣ мы отъ Тебя отпали; Ты милосердъ, но мы творили неправду Ты долготерпѣливъ, мы же достойны ударовъ. Конечно было бы лучше, если бы мы не нуждались въ такомъ очищеніи, но лучше грѣшнику обратиться, нежели по отпадении не быть прощеннымъ“. Ораторъ убѣдительно приглашаетъ къ покаянію и оканчиваетъ прося своего отца молитвою выпросить потерпѣвшимъ бѣдствіе отъ градобитія не только духовное питаніе, но и тѣлесное.—И въ Константинополѣ, какъ на остальномъ востокѣ, православные распались на двѣ партіи, одни держались болѣе Павлина, другіе Мелетія, св. Григорій хотѣлъ быть посредникомъ и говорилъ три рѣчи о мирѣ. „Дорогой миръ—ты сладостное слово, говоритъ онъ, за него теперь народъ высказался и онъ отъ него принять; дорогой миръ—ты моя ежедневная мысль, мое украшеніе, ты тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ самимъ Божескимъ существомъ; дорогой миръ, всѣми прославляемое, но немногими сохраняемое благо, какъ долго ты не приходишь къ намъ и когда ты возвратишься“? Потомъ ораторъ показываетъ, какъ разрушительны раздоры и какъ противоположны они Евангелію. „Если бы насъ

кто либо спросилъ, что собственно мы почитаемъ, то несомнѣнно мы отвѣтилибы: любовь, пот. что нашъ Богъ есть любовь и этого рода словамъ внимаешь. Онъ лучше чѣмъ какимъ либо другимъ. Какимъ же образомъ происходитъ теперь, что мы другъ друга такъ ненавидимъ? Какимъ образомъ боремся другъ съ другомъ? Какимъ образомъ зданіе раздвоилось будучи построено на одномъ камнѣ? Какимъ образомъ потрясены мы утверждаясь на утесѣ? Это мѣсто походить на подобное же у блаж. Августина, гдѣ этотъ говорить на текстъ: *се что добро или что красно*: но Григорій превосходить Августина; блестящая похвала миру и его порожденіямъ у св. Григорія изливается въ олицетвореніи. Послѣдняя изъ этихъ 3 рѣчей, orat IV post silentium praesente patre особенно пламенна, убѣдительна и прекрасна, хотя въ ней и нѣтъ особеннаго порядка, мысли и скучены и изложены въ той послѣдовательности, какъ онѣ входили на умъ святителю, вслѣдствіе чего часто онъ самъ себя повторяетъ. Далѣе выраженія часто риторичны, доказательства неполны, однако жерѣчь обильна сильными выраженіями, счастливыми мыслями, превосходными сравненіями, образами заимствованными изъ исторіи или изъ язычества. — Рѣчь въ память братьевъ Маккавеевъ можетъ быть между всѣми рѣчами Григорія отзываетъ болѣе всего античнымъ духомъ и она можетъ быть сопоставлена съ рѣчью Лисія надъ павшими Коринтянами, рассказъ течетъ такъ пріятно, столь легко, почти вся рѣчь представляетъ собою только рассказъ съ разсѣянными по мѣстамъ короткими замѣчаніями, изливавшимися изъ глубокаго чувства, языкъ не возвышается до выраженія сильной беспорядочной печали, но слышится въ немъ смягченіе печали и власть надъ ней; не встрѣчается смѣлыхъ образовъ ни неожиданныхъ сравненій, но нѣтъ никакихъ и неправильностей, все течетъ въ одномъ направленіи, языкъ совершенно соответствуетъ лицамъ и отношеніямъ; языкъ дѣтей противъ Антиоха энергиченъ и однакоже наивенъ, разговоры ихъ между собою полны сердечности, рѣчи матери вызываютъ въ насъ удивленіе и благодарность, цѣлое заканчивается краткимъ напоминаніемъ, по-

тому что частные пункты рѣчи молчаливо, но внятно говорятъ къ сердцу. — Рѣчь in sanctum baptisma содержитъ много практическихъ деталей, можетъ быть интересной и потому что она въ гл. 15 содержитъ хотя короткое но довольно полное исповѣданіе вѣры подобно тому какъ изложили оное въ своихъ твореніяхъ и Иринеи, Тертуллианъ, Оригенъ.

ЯРОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪ ДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Краснорѣчіе св. Григорія Назіанзина.

Изъ разсужденій св. Григорія особенно извѣстны двѣ рѣчи противъ Юліана, отличающіяся огнемъ, ораторскимъ полетомъ мысли, силой и тонкой ироніей надъ язычествомъ. Въ 1-й рѣчи св. Григорій хочетъ представить въ ясномъ свѣтѣ, тиранство Юліана надъ христіанами, во 2-й хочетъ онъ изобразить судъ Божій надъ Юліаномъ. Въ Константиіи онъ порицаетъ какъ „безчеловѣчную человѣчность“, что онъ оставилъ Юліану жизнь. Поводомъ къ рѣчамъ послужило отношеніе Юліана къ христіанамъ; онъ по свидѣтельству даже Амміана Марцеллина и Либанія обнаруживалъ нетерпимость и систематически хотѣлъ искоренить христіанство, благопріятствуя между ними только одной партіи, христіанъ устранилъ отъ государств. должностей, безпокойныхъ изъ нихъ очень жестоко наказывалъ, запрещалъ христіанское обученіе и свои строгости противъ нихъ въ довершеніе всего сопровождалъ еще насмѣшками. Св. Григорій благодаритъ Бога, что Онъ освободилъ церковь отъ такого врага, въ концѣ же своей рѣчи все-таки напоминаетъ о кротости и пощадѣ, проситъ не мститъ преслѣдователямъ за то, что они сдѣлали, не привлекать ихъ къ суду, не сажать въ темницы и заключать, что

черезъ эту кротость обнаружится только истинная высота и предлагаетъ въ преслѣдованіяхъ, какія вынесли христіане, признать основанія для исправленія своихъ недостатковъ.

Между догматическими рѣчами пять богословскихъ рѣчей занимаютъ первое мѣсто, а между этими пятью особенно вторая. Въ качествѣ введенія къ этимъ могутъ быть разсматриваемы двѣ другія превосходныя рѣчи 26-я и 32-я, гдѣ св. Григорій развиваетъ, что не каждый можетъ и долженъ диспутировать о богословскихъ вопросахъ, порицаетъ страсть православныхъ спорить съ еретиками во всякое время, во всѣхъ мѣстахъ, съ каждымъ; высказываетъ желаніе, чтобы его слушатели въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вопросъ превышаетъ силы человѣческаго разсудка, смирились, внутренно очищались и предоставляли себя Св. Духу; въ рѣчи 26-й выражаетъ онъ въ трогательныхъ словахъ свою сердечную любовь къ обществу: „я страстно стремился къ вамъ, дѣти мои, и въ равной мѣрѣ былъ вами ожидаемъ.... я не могъ долѣе выдерживать долгой разлуки съ вами и доказываю свою любовь къ обществу, желая отъ своихъ слушателей получить отчетъ въ томъ, во время его отсутствія сохранили ли они чистоту вѣры и упражнялись ли въ любви, изображаетъ свои чувства въ прекрасной картинѣ бушующаго моря, признается, что облеченіе его епископскимъ саномъ не доставляетъ ему осо-

бенной радости. При столь многихъ превосходныхъ мѣстахъ рѣчи встрѣчаются въ ней и колкія нападки на Максима, домогавшагося епископства: „я страшусь ночныхъ волковъ, которые лишь только замѣтятъ темноту, раздраютъ стадо соблазнительными рѣчами; они ожидаютъ только благопріятнаго мгновенія для того, потому что не могутъ дѣйствовать открыто; я боюсь собакъ, которыя хотятъ насильно стать пастырями, которыя ни собаками не остались бы, ни пастырями не сдѣлались бы кромѣ развѣ того, что они раздрали бы и разрушили чужую работу“. Въ 32-й рѣчи говоритъ онъ убѣдительно и прекрасно о страсти обвинять другъ друга въ ереси: „По истинѣ не одно и тоже выдернуть растеніе, летучій цвѣтокъ и человѣка. Ты—образъ Божій и имѣешь дѣло въ твоемъ ближнемъ съ образомъ Божиимъ и ты, который судишь, уже тѣмъ самымъ осуждаешь и самого себя. Испытывай своего брата тою же мѣркою, какою мѣряешь и себя“. Св. отецъ рекомендуетъ терпѣливую кротость въ сужденіяхъ о другихъ, признаетъ, что у Бога есть какъ обители многи, такъ и многообразныя пути къ Нему ведущіе, потому что всѣ выводятъ на одинъ путь, путь добродѣтели. Но именно этотъ кроткій образъ мыслей, цѣнившій живыя проявленія благочестія, не смотря на несогласіе въ догматическихъ убѣжденіяхъ, какой образъ мыслей св. Григорій доказалъ и въ отношеніяхъ къ Македоніанамъ, былъ причиной для Григорія многихъ непріятностей и упрековъ, какіе дѣлала ему его партія. Пять догматическихъ рѣчей теперь показываютъ искреннее одушевленіе церковнымъ ученіемъ и излагаютъ столь чистое вѣроисповѣданіе, столь прекрасно, такъ возвышенно, что церковь въ этихъ рѣчахъ торжествовала истинный тріумфъ надъ еретиками. Во всѣхъ ихъ порядокъ, краткость, превосходное развитіе, ясность и прелесть, но вторая изъ рѣчей всѣ эти преимущества содержитъ въ совокупности и въ совершеннѣйшемъ видѣ, открываетъ возвышенныя надежды и извиняетъ слабости нашей природы, которой эти надежды могутъ быть питаемы только въ потемненной формѣ.

Первая изъ рѣчей служитъ введеніемъ и объясняетъ, что каждый можетъ и долженъ философствовать о Богѣ, вторая говоритъ о Божеской природѣ, которой никто не можетъ постигнуть, которая все наполняетъ, не знаетъ никакихъ ограниченій, не имѣетъ тѣлесности; затѣе идетъ рѣчь о стремленіи человѣка знать Бога, благодаря которому человѣкъ уклонился во вздорное идолослуженіе,—о великолѣпнѣ творенія, о блестящихъ проявленіяхъ человѣческаго духа и оканчивается, за все прекрасное своей рѣчи благодаря пресвятую Троицу. Третья изъ рѣчей доказываетъ Божество Христа, 4-я опровергаетъ толкованія приводимыхъ еретиками мѣстъ Писанія, въ 5-й рѣчи дѣло идетъ о Св. Духѣ; повсюду говоритъ св. Григорій не какъ философъ, но какъ апостоль, не вдаваясь въ софистическія тонкости, но излагая дѣло просто, какъ слѣдуетъ христіанину, говоритъ исходя не изъ честолюбія, но въ намѣреніи наставить.

Краснорѣчіе св. Григорія Назіанзина.

Св. Григорій любитъ картины изъ природы и охотно привязываетъ къ нимъ свои разсужденія. Въ рѣчи на память мученика Мамоса, приходившуюся на первое воскресенье по Пасхѣ, изображаетъ онъ наступленіе весны такими прекрасными словами: „Все соединяется и скопляется, чтобы возвеличить этотъ праздникъ; царица временъ года устрояетъ царицѣ дней (Пасхѣ) торжественный пріемъ; все драгоценнѣйшее изъ своей собственности и прекраснѣйшее приносить этой въ даръ; небо уже блестяще, солнце на немъ выше и блистаетъ золотистѣ; ~~дискъ~~ ~~луны~~ ~~сияетъ~~ дружественнѣ, чище хоръ звѣздъ. Волны заключаютъ любезный сердцу союзъ съ берегами, облака съ солнцемъ, вѣтры съ воздухомъ, земля съ растеніями, растенія съ глазомъ. Прозрачнѣ струятся источники, благоухаетъ лугъ, тучнѣютъ растенія, трава скашивается и агнцы прыгаютъ на покрытыхъ живою зеленью равнинахъ. Съ пѣснями выводится корабль изъ гавани и дельфины прислушиваются къ нимъ, прыгая отъ удовольствія, вбирая въ себя воду и выпуская и радостно корабль сопровождая. Земледѣлецъ закладываетъ свой плугъ, съ молитвой обращая взоръ свой къ Подателю благъ; пастухъ выходитъ къ овцамъ и воламъ со своей свирѣлью: они внимаютъ его пѣсни и проводятъ весну между деревьями и по лощинамъ. Рыбакъ прозираетъ въ глубины, чиститъ неводъ и садится на утесъ; поднимается трудолюбивая пчела на своихъ крыльяхъ, оставляя улей, заявляетъ она свою мудрость и опустошаетъ цвѣты: образецъ для васъ въ прилежаніи. Птица строитъ себѣ свое гнѣздо, другая уже садится въ него, третья скользитъ по водѣ, тамъ порхаетъ вокругъ, оглашаетъ рощу и летаетъ

вокругъ тебя, какъ бы передразнивая болтливость человѣческаго языка. Все хвалить Бога и прославляетъ Его въ нечленораздѣльныхъ звукахъ, за все чрезъ меня приносить благодарность Богу и такимъ образомъ хвалебная пѣснь твари становится нашей хвалебной пѣснью, той хвалебной пѣснью, которую я здѣсь выражаю. Да, теперь въ мѣръ весна, весна духа, видимая весна, въ которой и мы принимаемъ участіе, если мы здѣсь право живемъ“. Въ рѣчи VI о мирѣ, говореной въ присутствіи отца, къ свидѣтельству о гармоніи и несравненной красотѣ въ міропорядкѣ присоединяетъ онъ свои напоминанія о согласіи и любви. Но особенно пріятно излагаетъ святой отецъ въ рѣчи 26 свои размышленія. къ какимъ подалъ ему поводъ видѣ бурноподвижнаго моря: „Самъ съ собою и одинъ пошелъ я на берегъ моря, когда день уже склонялся къ вечеру, потому что только въ это время привыкъ я свои работы разсѣивать этого рода отдыхомъ, ибо и почва не выноситъ постоянного напряженія, но иногда должна отдыхать; такимъ образомъ я побрелъ и мои ноги двигались произвольно, тогда какъ мои взоры блуждали по морю. Но не ласковъ былъ этотъ иногда столь пріятный видѣ, когда темнопорпуровыя волны мирно переливаются одна чрезъ другую и спокойно и тихо играютъ съ берегомъ. Не то было тогда! Море всколебалось отъ сильнаго вѣтра и шумѣло—но я буду говорить лучше словами свящ. Писанія Іов. VI, 18,—волны выросли вдаль одна за другой и поднимались хотя и на мгновеніе на весьма значительную высоту, падали и опять возвышались, разбивались о берегъ или накидывались на сосѣдній утесъ и съ шумомъ отскакивали назадъ, разбиваясь въ пѣнистую и тонкую пыль; тамъ внизу были выплевываемы волнами мелкіе камешки, но многіе снова отступающей отъ берега волной были проглтываемы опять; но они сами, эти береговые утесы, стояли неподвижно и непоколебимо, какъ если бы они никѣмъ и ничѣмъ не были обезпокоиваемы кромѣ какъ только бьющими въ нихъ волнами. Изъ этого зрѣлища почерпалъ я полезныя мысли и когда все это отношю къ себѣ, то на-

дѣляетъ меня это зрѣлище разсудительностію. Не море ли, говорилъ я, вся жизнь наша и все вообще дѣла человѣческія? Такъ много въ нихъ бѣдственнаго и неустойчиваго; все неожиданное въ жизни, насъ постигающее, суть бури, утесъ же на бурноподвижномъ морѣ есть Христосъ, на Христѣ утверждаться должно, здѣсь можно остаться не потрясеннымъ приражающимися къ намъ печалами судьбы“. Точно также говоритъ ораторъ въ рѣчи 34 оцѣломъ флотѣ кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, шедшихъ изъ Египта въ Константинополь: „Это былъ превосходный и великолѣпный видѣ, море усѣянное деревьями и покрытое нѣкимъ какъ бы легко подвижнымъ облакомъ; красота и быстрота кораблей, наряженныхъ какъ бы для торжественной процессіи, легкой вѣтерокъ, плавающій на морѣ городъ, спѣшившій въ нашъ городъ: какъ это прекрасно еще одно славное мгновеніе обрадуетъ насъ вы и принесете съ собою чистую вѣру“. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „Такъ на берегахъ рѣки бурями не трогаемая сосна, цѣлый годъ сохраняющая свою зелень, силою воды ослабляется, корни ея трогаются, почва размывается, дерево грозитъ упасть, вскорѣ разрываются слабыя узы, его съ ней связывавшія, волна въ корняхъ запутывается, увлекаетъ дерево въ глубину и наконецъ разбиваетъ его объ утесъ, дождь и сырость довершаютъ разрушеніе, ничего на берегу не остается болѣе кромѣ слабыхъ слѣдовъ существованія тутъ дерева. Такъ и моя душа цѣла нѣкогда предъ Господомъ, бури потрясли ее и она почти взята изъ меня. Что отъ нея еще осталось во мнѣ, то ищетъ укрѣпленія прежнею своею силою въ силѣ Господа“.

ЯРОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪ ДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Краснорѣчіе св. Григорія Назіанзина.

Изъ апологетическихъ твореній св. Григорія Богослова отличаются краснорѣчивымъ языкомъ: а) къ гражданамъ Назіанза и префекту б) о себѣ самомъ и о тѣхъ, которые говорили, что онъ домогался епископской каѳедры, в) последнее „прости“ къ 150 епископамъ.—Жители Назіанза имѣли нѣкоторыя основанія опасаться гнѣва противъ себя императорскаго намѣстника, были смущены, обратились къ Григорію и этотъ говорилъ рѣчь (ср. ог. 17), чтобы успокоить умы и смягчить префекта. Искусно съумѣлъ онъ воспользоваться отдѣльными мѣстами Писанія и распространить ихъ съ значительной убѣдительностію; излагаетъ онъ обязанности властей, приводитъ основанія изъ Евангелія, склоняя къ кротости, называетъ эту главною добродѣтелью властителей, подобно тому какъ это сдѣлалъ Цицеронъ въ рѣчи про Мажелло, съ которой рѣчь св. Григорія и можетъ быть сравнена. Онъ показываетъ непостоянство человѣческихъ дѣлъ, необходимость въ счастіи быть умѣреннымъ, напоминаетъ о прежней любви префекта къ гражданамъ города, о сѣдыхъ волосахъ своего отца, жившаго вмѣстѣ съ нимъ, страшаетъ, грозить: „Послушаешься ли ты моей откровенной рѣчи? Законъ Христовъ подчиняетъ тебя моей власти, потому что и мы властвуемъ и наше господство совершеннѣе.

Ты конечно одобришь мое прямодушіе, потому что ты питомецъ великаго пастыря; именемъ Христа властвуешь ты, съ Нимъ проходишь свою должность; отъ Него получилъ ты мечъ не для дѣйствительнаго употребленія, но для угрозы; храни его чистымъ въ качествѣ чистаго обѣтнаго дара; ты отобразъ Божій, но повелѣваешь точно также надъ носящими въ себѣ образъ Божій. Почти родство, устращись первообраза, служи помня Бога; будь кроткимъ властителемъ и не походи на жестокаго тиранна. Подражай Божескому человѣколюбію, потому что благодѣтельствовать, это въ человѣкѣ первое, что Богоподобно. Ты безъ труда теперь можешь оказать Божественное, не опусти случая. Ничто пусть не отклоняетъ тебя отъ кротости, ни время, ни отношенія твои къ сильнымъ сего міра, ни страхъ, ни надежда, ни блестящее какое либо почетное мѣсто“.—Народъ принудилъ св. Григорія принять каѳедру Константинопольскаго епископа; по этому случаю въ полномъ собраніи Двора говорилъ онъ рѣчь (см. рѣчь 36). Въ ней онъ защищается противъ того будто бы домогался чести епископской, говоритъ, что общество вѣрующихъ, которому онъ служилъ доселѣ, лучшая его защита, если только оно останется вѣрнымъ его ученію и за тѣмъ преподаетъ наставленія сановникамъ, знани, образованнымъ и богачамъ. Особенно краснорѣчивы начало рѣчи и заключеніе. Въ на-

чалъ объясняетъ онъ причины, по которымъ пользуется любовью отъ общества и между прочимъ замѣчаетъ, что ничего не дѣлаетъ бьющаго на эффектъ, театральнаго, не терпитъ насилій, пышности и лести. Въ концѣ ораторъ со всей полнотою сердечности преподаетъ такія драгоценныя наставленія. „Вы, сановники, читаете вашъ пурпуръ; подумайте, какъ много вамъ доверено; вамъ подчиненъ весь міръ, который держится за вашу діадему, за вашъ суконный плащъ. Что, вверху, на небѣ, то есть Божіе; что здѣсь, внизу, то ваше: будьте же для своихъ подданныхъ Божественными существами, если могу я употребить это смѣлое выраженіе. Сердце царско въ руцѣ Божіей, такъ вѣруемъ мы. На Богѣ зиждется ваше могущество, а не на золотѣ и легионахъ. И вы, окружающіе князей, не гордитесь своею властію; вы хвастающіеся своимъ благородствомъ, наблюдайте благородство своихъ нравовъ, если я долженъ сказать нѣчто такое, что хотя непріятно, но всеже благородно. Вы были бы во истину благородны, если бы не принимали въ свое общество и не возвышали до почестей людей того недостойныхъ. И вы, мудрецы и философы, и вы ораторы, гоняющіеся за одобреніемъ народа, по истинѣ я не знаю, какимъ образомъ можно назвать васъ мудрыми, если вы незнакомы съ основами и началами всякой мудрости. И вы, богатые, помните, что опираетесь на зыбкое нѣчто; освободи твой корабль хотя не много отъ тяжести, чтобы тѣмъ легче было плыть ему. И вы, живущіе въ довольствѣ, удѣлите отъ своихъ избытковъ и на бѣдныхъ что нибудь, отъ чего вы обоимъ страдаете, одни отягощая тѣмъ свои желудки, другіе отъ голода; ты отъ пьянства, онъ отъ жажды. Не презри Лазаря, чтобы не случилось съ тобою нѣкогда того же, что случилось съ богачомъ. И вы, жители великаго города, перваго послѣ перваго (Рима), первенствуйте не въ дурномъ, а въ добродѣтели. Какъ гнусно надъ городами властвовать и въ тоже время быть рабомъ вождельній. Первый изъ городовъ, который для другихъ долженъ былъ бы быть образцомъ во всемъ добромъ, гоняется

только за удовольствіями. О, если бы вы отрѣшились отъ этихъ пристрастій и представили изъ себя градъ Божій!“ Такъ говорилъ и такъ дѣйствовалъ св. Григорій. — Переходимъ теперь къ прощальной рѣчи святаго отца, относящейся къ отличнѣйшимъ произведеніямъ его ума и сердца. Дѣйствовалъ въ Константинополѣ три года, св. Григорій захотѣлъ сложить съ себя бремя правленія обширною паствою и въ церкви св. Софіи надумалъ проститься съ обществомъ. Хотя желаніе святаго отца возвратиться въ уединеніе и было совершенно искренне и не только безконечные споры, ссоры, пустая ревность, подозрѣнія, даже оскорбленія и угрозы смертью, но и ослабѣвшее здоровье побуждали св. Григорія просить объ увольненіи отъ епископской кафедры, занятой имъ только за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ, все же отдается онъ глубокой печали при прощаньи съ обществомъ, которое при столь многихъ непріятностяхъ было для него и столь дорого; онъ чувствуетъ, что значить оставить столь обширный кругъ дѣятельности, такой городъ, общину имъ же основанную и умноженную; воспоминаніе о всемъ пережитомъ здѣсь вливаетъ въ оратора новую силу и сообщаетъ его рѣчи новый огонь. Сначала предъ собраніемъ епископовъ изображаетъ онъ общество, какимъ оно было, когда онъ пришелъ, малое, безъ пастыря, разсѣянное, преслѣдуемое, безправное и указываетъ потомъ на теперешнее состояніе его, „Озришь около и посмотри на вѣнокъ, тебя обвивающій; взгляни на это славное собраніе опытныхъ пресвитеровъ, на этотъ сонмъ діаконовъ, на жаждущій ученія народъ, на мужей и женъ: этотъ вѣнокъ помогаль вить отчасти и я. Не великое ли нѣчто представляетъ собою—укрѣпить чрезъ распространеніе въ немъ здравыхъ ученій городъ, который служитъ глазомъ міра, состоитъ владычицей суши и моря, посредствуетъ сношенія востока съ западомъ, къ которому все стремится со всѣхъ сторонъ и изъ котораго все исходитъ, укрѣпить его въ такое притомъ время, когда онъ раздираемъ былъ разнообразнѣйши мнѣніями. И если это умирненіе относится къ обязанностямъ епископа, то спо-

собствовать ему нѣсколько и я“. Св. отецъ защищаетъ безкорыстіе своихъ расположеній и желаетъ увольненія отъ должности какъ награда свои труды: „Позвольте мнѣ успокоиться отъ моихъ трудовъ; почтите эту сѣдую голову, выберите другаго, который наслѣдовалъ бы мнѣ, разумнаго рѣчью, дѣльнаго, вамъ угоднаго. Вы видите вѣдь: мое тѣло изнурено старостью и болѣзнями; что пользы вамъ отъ слабаго старца, который каждый день чуть не умираетъ не только тѣлесно, но и отъ заботъ“. Затѣмъ св. Григорій горько жалуется на сварливость епископовъ, оправдывается, что не пышно содержалъ себя и наконецъ кончаетъ рѣчь такими трогательными словами, обращаясь къ различнымъ мѣстамъ и лицамъ: „И такъ прости, моя Анастасія, благочестіемъ украшенная. Потому что ты снова возвысила вѣру, до того времени презрѣнную; ты новый Силомъ (Ис. Нав. XVIII), гдѣ мы первѣе всего снова поставили ковчегъ завѣта послѣ того какъ въ теченіе сорока лѣтъ онъ скитался по распутіямъ пустыни. Прости и ты, новое наслѣдіе, великій и славный храмъ Софійскій и остальные всѣ дома Божіи, по красотѣ на этотъ походящія. Прости, мое епископское положеніе, составляющее предметъ зависти и полное опасностей и вы, сонмъ пресвитеровъ, досточтимыхъ за смиреніе и возрастъ. Прости, гармонія псаломскихъ пѣсней, вы честныя дѣвы, вы, очи бѣдныхъ, обращавшіяся къ Богу и ко мнѣ. Простите вы, ревностные слушатели моихъ рѣчей, толпившіяся массаи, среди которыхъ я видалъ сверканіе тайнаго грифеля, записывавшаго мои слова. Простите вы, царедворцы, вѣрные вашему владыкѣ, но невѣрные по отношенію къ Богу (большею частію Аріане и Македоніане). Аплодируйте, кричите громче, выше поднимайте своихъ напыщенныхъ ораторовъ (проповѣдниковъ сектанства): нѣмъ теперь этотъ злой мой и подвижной языкъ, столь ненавистный вамъ. Прости ты, великій городъ; приближайся къ истинѣ, чти Бога болѣе нежели какъ привыкъ. Простите вы, ангелы церкви, бодрствовавшіе надъ ними во время моего здѣсь пребыванія, бодрствующие и при моемъ

отсюда отшествіи. Прости меня, пресвятая Троице, единственная моя мысль и мое украшеніе. Сохрани этотъ мой народъ, мой, хотя и другими опекаемый. О, если бы привелось мнѣ слышать, что ты, пресвятая Троице, славима отъ него ученіемъ и жизнью. Возлюбленные мои дѣти! Сохраните преданія вѣры (I Тим. VI, 20), сокровище которое я вамъ оставляю и вспомните огорченія, которыми я здѣсь былъ забрасываемъ!“—Такова прощальная рѣчь св. Григорія, дышущая по мѣстамъ истиннымъ и возвышеннымъ краснорѣчіемъ. И послѣ долгаго времени, протекшаго по произнесеніи ея, она все еще живо трогаетъ наше сердце какъ бы вчера написанная.

Письма св. Григорія точно также отличаются ораторскимъ достоинствомъ, дышутъ умомъ, языкъ ихъ легокъ, содержаніе далеко отъ напыщенности. Св. Василій Великій сожалѣетъ только о лаконизмѣ ихъ; это значитъ, что онъ желалъ бы большей длинноты отъ нихъ: такъ пріятно читать ихъ. Въ 104-мъ письмѣ св. Григорія дѣло идетъ даже и о самомъ стилѣ писемъ, потому что Никобулъ, къ которому это письмо адресовано, просилъ св. Григорія изложить, что требуется отъ стиля писемъ. Григорій исполняетъ это желаніе и требуетъ отъ письма четырехъ свойствъ: оно должно быть яснымъ, далекимъ отъ всякой надутости и сухости, потомъ пріятнымъ, украшеннымъ сентенціями и образностію выраженій, антитезы же изъ него должны быть исключены. Выраженіе должно быть естественнымъ и искусственность прикрита. Но особенно святой Григорій желаетъ отъ письма краткости, хотя длиннота его и можетъ обусловливаться важностью предмета Эти правила выполняются въ письмахъ и самого св. Григорія, составленныхъ съ такимъ искусствомъ и тщательностію, что онъ, можно думать, подобно Плинію, при издачіи ихъ въ свѣтъ, назначалъ для болѣе обширнаго круга читателей. Письмо 203-е можетъ служить образцомъ лаконическаго письма. Это письмо св. Григорій писалъ для одной матери, посылавшей своего сына къ ритору Либанію: „Я, мать,

посылаю своего сына къ тебѣ, отцу, родная мать къ отцу краснорѣчія; какъ я о немъ заботилась. такъ позаботься и ты о немъ“. Къ нѣкому Сацердоту, искренно бывшему преданнымъ св. Григорію, позднѣе же подвергавшемуся преслѣдованіямъ, писалъ онъ много превосходныхъ писемъ о важности страданій и о терпѣніи (Ср. письма 214, 215, 216). Въ письмѣ 202-мъ въ трогательныхъ выраженіяхъ св. отецъ утѣшаетъ сестру Сацердота по случаю смерти ея брата: въ письмахъ 89 и 63 къ Филагрію точно также прекрасно говорится о тѣлесныхъ страданіяхъ; письмо 155-е остроумно. Никобуль презираеть свою жену. сестру св. Григорія, за ея малый ростъ, и этотъ пишетъ: „Ты насмѣхаешься надъ Алипіаной, называя тѣмъ какъ будто бы она недостойна тебя при твоёмъ осанистомъ ростѣ; о, ты великъ, силенъ и необычаенъ по росту и крѣпости. Теперь только узнаю я, что душа подлежитъ измѣреніямъ и взвѣшивается, что скала дороже перловъ и вороны превосходятъ соловьевъ“. Особенно нѣжны письма къ св. Василию Великому 20, 9, 40, 45, 58. Одно изъ нихъ оканчивается такъ: „Кто на землѣ относился къ чему нибудь съ удивленіемъ столь же высокимъ, съ какимъ Григорій относится къ тебѣ? Одна весна между временами года, одно солнце между звѣздами, одно небо всѣхъ насъ объемлющее; такъ и для меня существуетъ одинъ только голосъ и это твой!“ Въ письмѣ 39-мъ св. Григорій съ грустію пишетъ къ ритору Евдоксію: „Ты спрашиваешь меня. какъ я себя чувствую. Очень дурно. Я не имѣю Василія болѣе, я потерялъ Цезарія, моихъ духовнаго и плотскаго братьевъ. Отецъ мой и мать моя меня покинули, могъ бы я сказать съ Давидомъ. Тѣлесно я также боленъ; старость начинаетъ тяготить, заботы становятся запутаннѣе, занятія скучнѣе, друзья невѣрными; церковь остается безъ способныхъ пастырей, добро гибнетъ, зло обнажаетъ свою голову. Путешествіе ночное, а ни съ которую сторону не видится освѣщающаго факела. Христосъ спитъ. Что дѣлать? О, для меня одно только спасеніе среди этихъ золь—въ смерти. Но и

та сторона гроба страшила бы меня, если бы я судилъ о ней по этой“.

Достоинству стихотвореній св. Григорія наконецъ конечно вредило, что онъ писалъ ихъ находясь въ высшемъ уже возрастѣ, когда истинно поэтической жаръ начинаетъ уже угасать, все же изъ нихъ открывается, что св. Григорій обладалъ дѣйствительно поэтическимъ талантомъ и что поэзія его не была мимолетнымъ припадкомъ юности. Поэтическимъ произведеніямъ св. Григорія вредило далѣе, что содержаніемъ для нихъ избирались предметы богословскіе, слѣдовательно изложеніе предмета должно было отличаться рефлексіей и спокойной разсудительностію, а не истекало непосредственно изъ возрѣнія на природу; оттого поэтичность представленія сказывается болѣе всего въ образахъ, тропахъ, возвышенности и звучности выраженій. Прекраснѣйшія изъ стихотвореній св. Григорія по большей части кратки; это короткія нравоучительныя стихотворенія, глубокомысленныя и грустныя сентенціи.

Руфимъ, современникъ св. Григорія, говоритъ о немъ: „Никогда еще міръ не видалъ жизни болѣе благочестивой, не слышалъ краснорѣчія болѣе живаго и блестящаго, не былъ свидѣтелемъ болѣе чистой вѣры и болѣе совершенной науки, чѣмъ представителемъ какихъ былъ Григорій. Это единственный человекъ, вѣра котораго не была оспорена, заслуги котораго всѣми признаны; достаточно не согласиться съ Григоріемъ, чтобы прослыть за еретика.“

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru